

Позитивные основания аксиологического аспекта историко-философских исследований*

А.А. Львов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению аксиологического аспекта в историко-философских исследованиях. Нам важно показать, что эта проблема имела место и горячо обсуждалась изнутри историко-философского сообщества на рубеже XIX–XX вв., вследствие чего можно говорить о том, что в историко-философских исследованиях был выработан и осмыслен аксиологический аспект. Чтобы рассмотреть эту проблему, мы обращаемся к вопросу о том, каковы научные предпосылки для историко-философской работы и могут ли они составить достаточное основание для признания научного статуса истории мысли. С нашей точки зрения, именно история философии оказывается тем фактическим материалом, который мог бы придать собственно философскому исследованию желанный характер позитивности. Нам также кажется продуктивным указание на исторические примеры решения проблемы о научности философии и истории философии, а также сравнение истории философии и антропологии. Мы полагаем, что многие особенности антропологических исследований характерны и для историко-философской работы, и это расширяет горизонт научности самой философии как особого рода познавательной деятельности человека. Историк философии не может в своих рассуждениях игнорировать онтологические основания той или иной культуры, поскольку именно они дают ему возможность адекватно истолковать материал, используемый в его работе. Историки философии в своем труде, как и этнографы в полевых исследованиях, выявляют особенности артикуляции смыслов и основания тех установок, которыми руководствовались мыслители определенного периода времени как представители родной им эпохи.

Ключевые слова: историки философии, аксиологический аспект истории философии, антропология, история философии как наука, философия как наука.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии».

Александр Александрович Львов – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета.

a.lvov@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7375-3327>

Для цитирования: *Львов А.А. Позитивные основания аксиологического аспекта историко-философских исследований // Философские науки. 2019. Т. 62. № 10. С. 55–67.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-10-55-67

Positive Foundations of the Axiological Aspect of Historical-Philosophical Research*

A.A. Lvov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract

The paper examines the axiological aspect of historical-philosophical research. It is important to demonstrate that this issue was widely discussed at the turn of 19th and 20th centuries, and, therefore, a certain axiological aspect in historical-philosophical investigations was elaborated and interpreted. To solve this issue, we turn to the question of what are the scientific premises of historical-philosophical work and whether they form the necessary foundation to acknowledge the scientific status of the history of thought. In our opinion, it is history of philosophy that provides the scholars with factual set of notions, and so it forms this field of research as a definite (or strict) science. We consider fruitful to analyze historical responds to the challenge of scientific status of philosophy and its history as well as to compare the history of philosophy and anthropology. In our opinion, many peculiarities of anthropological investigations are also quite typical for the historical-philosophical work, and such comparison enlarges the scientific perspective of philosophy as a human cognitive practice. A historian of philosophy cannot ignore ontological foundations of different cultures in his research since it is the source of his ability to adequately interpret the subject-matter of his research. Like ethnographers, the historians of philosophy reveal the meanings and distinguish the attitudes that various thinkers, being the representatives of their own culture and epoch, had taken into consideration.

*The research has been supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 17-18-01440 “Anthropological Dimension of the History of Philosophy.”

Keywords: historians of philosophy, axiological aspect of the history of philosophy, anthropology, history of philosophy as science, philosophy as science.

Aleksandr A. Lvov – Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophical Anthropology, Saint Petersburg State University.

a.lvov@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7375-3327>

For citation: Lvov A.A. (2019) Positive Foundations of the Axiological Aspect of Historical-Philosophical Research. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 10, pp. 55–67. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-10-55-67

Введение

До середины XIX в. в развитии истории философии можно четко проследить два параллельных направления. Во-первых, перед нами предстают более или менее грандиозные обобщения, призванные «в масштабе» показать место тех или иных учений в истории мировой философии. Такими являются многие работы историко-филологической или педагогической направленности, созданные английскими, немецкими, итальянскими, французскими авторами конца эпохи Возрождения и Нового времени [Models of... 2011].

Во-вторых, мы сталкиваемся с «исторической» аргументацией, с помощью которой тот или иной автор как бы подводит черту под свершениями прежних времен и стремится противопоставить им свой философский проект или снять выявленные противоречия. Этот подход был весьма характерен для представителей немецкого идеализма, и в сочинениях Канта, Фихте, Шеллинга и (особенно) Гегеля мы можем отыскать такого рода аргументацию «от исторического процесса», хотя некоторые историки философии и склонны подвергать сомнению именно историко-философскую ценность и достоверность подобного рода работ [Андреева 2006].

Таким образом, из исключительно школьной дисциплины история философии превращается в верификационный органон, а ее исследовательский инструментарий дает возможность выявить эпистемологическую ценность тех или иных спекулятивных проектов и стратегий. Заметим, правда, что не только философы-профессионалы обогащают историю философии разнообразными методологиями или инструментарием: филологи (особенно занимающиеся классическими, но также и новоевропейскими языками, например, в рамках популярных в американских университетах *French studies*), историки, культурологи и другие специалисты

из смежных отраслей гуманитарного знания принимают в этом самое активное и непосредственное участие.

Однако указанный верификационный принцип признается не во всех традициях академической мысли: известно, к примеру, что представители аналитического направления в философии редко склонны поверять свои исследования историко-философскими инструментами – в отличие от континентальных философов, для которых отличительной чертой стало стремление обозначать место своих размышлений на условной шкале времени [Michaud 1982]. В этом смысле нам представляется важным и уместным выявить позитивные основания историко-философских исследований, а такой «материальной частью» традиционно считается именно историческая составляющая академически признанного философствования. Несомненно, что позитивность философских исследований можно упрочить в т.ч. и благодаря обращениям к естественнонаучному материалу (как это делают представители современных когнитивных исследований), однако это иной путь, по которому развивается не только собственно философия как наука, но и способность философии к систематичности [Васильев 2009, 6–7].

Разрабатывая в своих исследованиях исторический материал, позволяющий обосновать пути развития мировой мысли, историки философии обнаруживают в своей деятельности аксиологический аспект. Этот аспект позволяет, с одной стороны, прояснить ценностные основания философской деятельности вообще и, с другой стороны, выявить ценностные основания самих историко-философских поисков в частности. В предлагаемой статье нам важно показать, что этот аксиологический статус историко-философских штудий на рубеже XIX–XX вв. уже был выработан и обсуждался изнутри историко-философского сообщества. Однако далее философствование приобрело отчетливо историческое измерение, и последующие историко-философские поиски (в области компаративистики, например) уже начинают восприниматься как междисциплинарные [Львов 2018, 372]. Вследствие этого можно говорить о том, что осмысленный в историко-философских исследованиях аксиологический аспект исследовательской работы может быть также прояснен и посредством анализа исследовательской работы внутри иных гуманитарных дисциплин современности. Мы сосредоточим свое внимание на антропологических исследованиях, которые, на наш взгляд, предоставляют наиболее показательные и плодотворные исследовательские модели и стратегии для философского знания начала XXI в., и постараемся показать границы соприкосновения антропологических и историко-философских исследований, а

также обозначить те области, где их исследовательские интересы соприкасаются.

Позитивность историко-философского исследования

К середине XIX в. была сформулирована объективная зависимость нравственных, общественных и – в перспективе – ценностных установок от успехов положительной науки и подчиненной ей положительной философии. С одной стороны, такое положение дел вызвало к жизни характерное явление нигилизма как в естественно-научной области, так и в области морали. С другой же стороны, именно историкам философии принадлежат содержательные реплики в развязавшейся мировоззренческой дискуссии о задачах и целях философии. Дело в том, что в ведомстве философии, которую позитивисты свергли с ее традиционного пьедестала спекулятивной дисциплины, занимавшейся созиданием систем знания, и понизили в ранге, осталась одна-единственная функция анализа многочисленных, но разрозненных успехов отдельных наук [Кротов 2006, 45]. В то же время синтетической функцией формирования единой картины мира наделялась только наука, и к ее ведомству относилась в том числе и выработка ценностей и морально-нравственных норм. По мысли О. Конта, *истинная философия* должна связать воедино все сферы и проявления частного и социального существования человека, проанализировав его основные характеристики – мысли, чувства и действия. Поняв до сих пор двигавшуюся самопроизвольно эволюцию человека, мы сможем дать ей точную оценку, а это в свою очередь предоставит нам возможность «мудрого вмешательства» в ее ход [Конт 2012, 54].

Кроме того, представитель неокантианства Алоиз Риль в своих публичных лекциях по философии утверждал, что уже с середины XIX в. философия была потеснена со своего привычного места «науки наук» положительными науками, а интерес к ней стал интересом к «историческому воспоминанию» [Риль 1904, 1]. С его точки зрения, философия может либо иметь статус науки, либо быть ненаучной. В первом случае философия оказывается критическим исследованием оснований нашего познания, в то время как во втором случае она претворяет в жизнь мировоззренческий проект (который с разным успехом в первой четверти XX в. предлагали представители эмпириокритицизма [Gomperz 1905], философии жизни [Dilthey 1911], философской антропологии [Шелер 1994, 3–128] и немецкие мыслители-экзистенциалисты [Jaspers 1919]) и разрабатывает теорию ценностей (аксиологию), должного и недолжного (этику), а также реализует идеи проекта *вечной философии*, привлекавшего еще Лейбница. Что же

касается самой истории философии, то А. Риль считал, что она представляет собой историю «развития и превращений понятия истории философии» [Риль 1904, 4]. Другими словами, с помощью исторического исследования развития мировой мысли от древнейших ее проявлений вплоть до наших дней нам удастся, во-первых, обнаружить подлинную научную ценность философии, заключающуюся в критике принципов и границ познания, а во-вторых, изучить те исторические формы, которые она принимала в процессе становления *как наука*.

Иной точки зрения придерживался другой автор, стремившийся к обоснованию позитивности философского исследования и предложивший оригинальный довод в споре о перспективах развития философии, – мы говорим об основателе философской компаративистики Поле Массон-Урселе. Рассуждая о перспективах сравнительного метода, разработанного им в сочинении «Сравнительная философия», он рассматривает различные сценарии развития философии от простых и нередко декларативных положений до уровня научных знаний на примерах учения о морали, языкознания, антропологии и этнологии и даже сравнительной психологии [Masson-Oursel 1926, 32]. Автор указывает, что полагать, будто бы философия является исключительно греческим изобретением, неверно и что подобная точка зрения представляет собой упрощение такого же порядка, как и те идеальные образы, с которыми философия до сих пор работает [Masson-Oursel 1926, 33–34]. Однако истинное знание возникает, когда мы стремимся выяснить принципы синхронного развития идей в самых разных культурах и традициях: необходимо помнить, что для П. Массон-Урселя необходимым и достаточным условием возникновения философии является тот факт, что у всякой культуры, у всякого народа имеется своя история [Masson-Oursel 1926, 34].

Компаративистский подход предполагает широкое применение такого важного инструмента, как аналогия. Важно показать не то, что думал какой-то конкретный мыслитель по тому или иному поводу в то или иное время, ведь в этом случае его суждения окажутся предопределены средой, в которой он сформировался, но попытаться составить пропорции аналогий. Например, в свете этого подхода имеет смысл рассмотреть и сравнить отношение Сократа к софистам в Афинах V в. до н.э. и Конфуция к китайским софистам, его современникам. Подобный подход придаст нашему исследованию определенного историко-философского явления больше объективности, а следовательно, приблизит философское исследование к научному [Masson-Oursel 1926, 49–50].

Нужно сказать о том, что одной из мишеней, на борьбу с которыми и был нацелен проект сравнительной философии, был

пресловутый европоцентризм. Именно европоцентризм стал одним из вызовов на пути преодоления сложившейся в XIX в. тенденции к системотворчеству, и преодолеть его пытались многие авторы XX столетия. Восприятие европейской традиции не только в качестве образца, мерила аутентичности философских поисков, но и вообще единственно возможной философской традиции укоренилось в сознании настолько, что еще Жак Деррида в конце XX в. видел одним из резонов своей философской деятельности ниспровержение такого отношения к миру и истории [Деррида 2007, 131]. Понятно при этом, что подобные попытки предпринимались и ранее, а П. Массон-Урсель выступил одним из яростных критиков сложившихся историко-философских, да и вообще философских, предрассудков. В программе своей компаративистики он указывает, что исключение влияния на мыслителя его собственной среды и сравнение его учения с учением другого философа – представителя иной культуры (например, он советует нам отказаться от очевидно европоцентричного сопоставления Декарта и Платона и обратиться к сравнению представителей европейской и китайской традиции) гораздо более плодотворно, чем объединение философов в случайные и нередко надуманные рубрики. Примером такого неудачного объединения является то, что к «материалистам» традиционно относят столь различных философов, как древних греков Левкиппа и Эпикура и представителей новоевропейской философии Ламетри или Маркса.

Интересно отметить, что в этом отношении исследовательские практики сравнительной философии сближаются с антропологическими исследованиями и требуют более тщательного философского осмысления. Культура междисциплинарности, таким образом, становится благодатной почвой для исследований, находящихся на смежных с историей философии границах знания. С одной стороны, историки философии развивают идею диалога культур как коммуникативной среды, которой придается самостоятельное значение и на которую также распространяется исследовательский историко-философский интерес [Власова 2018]. С другой стороны, современные исследователи все чаще стараются обращаться к тем или иным формам философского знания в истории мысли сквозь призму междисциплинарности. При этом последняя рассматривается как возможность получить более точное и более полное знание о культуре, условиях и особенностях формирования философского дискурса, исходя из внутренних потенций исследуемой культуры. В этом смысле можно сказать, что аксиологический аспект историко-философских исследований граничит с собственно антропологическими исследованиями, в рамках которых чужая

культура предстает как материал для рефлексии над границами и средствами выражения и осознания собственной.

Ценностный аспект антропологического знания

Ценные примеры для развития нашей мысли о подобного рода позитивности может представить тот материал, с которым работают этнографы или социальные (культурные) антропологи. Неслучайно, что выводы, которые следуют из анализа добытого ими разнообразнейшего материала, нередко привлекают пристальное внимание философов, поскольку непосредственно касаются уже не только фактического социального устройства того или иного отличного от западного европейского общества или народности, это вопросы с глубинной культурологической и онтологической проблематикой. Такого рода коммуникация дисциплин тем более полезна и важна, что в ситуации «конца философии» закономерным образом встает вопрос и о конце самой истории философии [Дьяков 2014, 129].

Дело в том, что нередко, наблюдая за различными группами людей, мы склонны трактовать их образ жизни и поведения, их культурные коды и смыслообразующие элементы их ежедневной практики, исходя из собственных уже сложившихся и потому предопределенных, в высшей степени необъективных критериев истины, справедливости, равноправия, свободы и т.п. Это справедливо не только для различных современных культур, но и вполне может быть применимо к различным историческим этапам, в рамках которых формировались те или иные философские воззрения и учения. Далее мы приведем несколько примеров, характерных для столкновения различных культурных установок и поддающихся антропологическому осмыслению. Как модель они весьма показательны в отношении историко-философского исследования, поскольку раскрывают именно аксиологический аспект бытия той или иной культуры.

Исследователь Рой Вагнер попытался описать то, что мы, новоевропейцы, классифицировали бы как «культуру» у народности дариби, живущей в Папуа – Новой Гвинее. Однако подобная дискрипция обозначает здесь нечто отличное от набора условных и понятных всем членам определенной группы действий, которые они совершают в тех или иных обстоятельствах, и потому не является, строго говоря, описанием одной из многочисленных и непохожих друг на друга культур. Вагнер попытался описать то, что могло бы быть аналогичным культуре для дариби, что создавало бы такую же общественно значимую систему действий и ответных реакций, каковой культура предстает для европейцев [Jensen 2017, 529–530]. В результате обнаружилось, что невозмож-

но создать никакого строгого и выстроенного по определенной структуре описания именно потому, что мы как исследователи имеем дело с народом, у которого культуры нет.

Собственно, здесь мы сталкиваемся с таким интересным феноменом, как предзаданность параметров, феноменом, нагляднейшим образом проявляющимся в науке в виде, например, предзаданности трактовок тех или иных феноменов в рамках определенных философских традиций. В этом отношении выделяются исследования, связанные, скажем, с проведением параллелей между такими фундаментальными понятиями классической китайской и древнегреческой философии, как «душа» и «Я» [Yu 2008]. Несмотря на то, что эти понятия совершенно по-разному трактуются в европейской и восточной философских традициях, исследователи показывают, что существуют принципиальные метаязыковые и метакультурные связи, с помощью которых было бы возможно поставить вопрос о плодотворном сравнении их «удельного веса» в контексте родных для них дискурсивных практик. Яркий пример диалога культур мы находим также в анализе логических средств европейской и арабской философских традиций. Здесь попытка представителей каждой из традиций понять сущность другой и признание их равноправными в своих стратегиях требует определенного мастерства и усилия, сопоставимого с усилиями антрополога, исследующего чужую культуру [Васильев 2019]. Следовательно, мы имеем дело с попыткой установить и обосновать аксиологическую целостность понятийного аппарата в рамках не только собственного, но и принципиально иного порядка речи, иной логики смысла.

Еще одним любопытным антропологическим примером является критика марксистского обоснования репрессивного характера жизни меланезийских женщин. Об этом пишет в своей книге «The Gender of the Gift» («Гендер дара») Мэрилин Стразерн. В самом деле, никто не стал бы утверждать, что жизнь женщин Меланезии легка, отношение к ним справедливо и не существует никакой дискриминации, присущей культуре, где они живут, но только если сравнивать с нашей европейской культурой. Поэтому те активисты, которые, исповедуя марксистский поход, требуют освобождения этих людей из-под гнета шовинистических моделей поведения и репрессивного общества, по существу не правы, ведь в абсолютном большинстве случаев они имеют в виду взгляды и установки, присущие не самим угнетаемым женщинам, а им, этим активистам как сторонним наблюдателям, да еще и представителям иной культуры [Jensen 2017, 259]. В этом смысле единственно верным подходом к данной проблеме будет понимание изнутри мира самих этих женщин, и тогда станет ясно, насколько вопрос

о том, что они угнетены, заботит их, и насколько они стремятся к восстановлению справедливости и собственных прав, т.е. прояснится сама возможность постановки проблемы их угнетения. Не созвучен ли этой, на первый взгляд, чисто антропологической проблематике посыл Р.Дж. Коллингвуда, заключающийся в том, чтобы изучать дух по его проявлениям (в том числе и материальным) силою исторического метода [Коллингвуд 1980, 199–200]?

Наконец, изучая жизнь и поведение индейцев Амазонии, Вивейруш де Кастру пришел к выводу о том, что их представления о статусе тела, его действий и отношения к другому телу находятся далеко за пределами восприятия таковых в западноевропейской культуре. Исследователь утверждает: отсюда следует, что у них имеется совершенно иная онтология; а значит, необходимо, чтобы антропология (культурная, разумеется) стала бы дисциплиной, обеспечивающей права различных народностей, населяющих мир, на онтологическое самоопределение [Jensen 2017, 529]. С нашей точки зрения, те исследовательские стратегии, которые используют историки философии (в особенности компаративисты), синонимичны интерпретации антропологического материала. Каждая отдельная культура выражает собственные спекулятивные и мировоззренческие устремления, тем самым реализуя свой собственный духовный и интеллектуальный потенциал.

Заключение

Итак, мы видим, что историк философии должен иметь в виду именно онтологические основания той или иной культуры, чтобы получить возможность адекватно проинтерпретировать интересующий его материал. В конечном счете мы понимаем, что история философии не галерея заблуждений, а каждый автор предлагал свои ответы на вечные вопросы, исходя из ограниченности своего хронотопа. Мы полагаем, что историки философии в своем труде, как и этнографы, выявляют особенности артикуляции смыслов и обнаруживают основания тех установок, которыми руководствовались те или иные мыслители как представители своей эпохи. В этом и раскрывается позитивная составляющая аксиологического аспекта историко-философских поисков.

Кроме того, именно на пересечении исследовательских интересов антропологии и истории философии становится очевидной сущностная особенность того, что мы традиционно называем интегративным понятием «гуманитарного» знания. Именно человек становится предметом историко-философского исследования в том смысле, что всякий философ или даже всякая идея существует в собственных исключительных культурных, социальных, политических, языковых, наконец, религиозных условиях

и средах. Все это не может не накладывать своего отпечатка на то, каким образом человек философствующий артикулирует смыслы с помощью понятных ему инструментов и средств выражения, но при этом и обуславливает принципиальные границы между подобными же практиками артикуляции смыслов в иных, непохожих культурах. Обретя историчность, человек как предмет новоевропейской науки обрел также и позитивность. Однако присущие собственно мысли способы артикуляции могут и должны быть исследованы, исходя из присущих ей смысловых контекстов, таким образом, работа историка философии может быть сопоставлена с работой антрополога. Именно здесь аксиологический аспект историко-философского ремесла поистине обнаруживает свою позитивность.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андреева 2006 – *Андреева И.С.* Философия как история философии (круглый стол в связи с книгой В.В. Соколова «Историческое введение в философию») // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 3–35.

Васильев 2009 – *Васильев В.В.* Есть ли будущее у систематической философии? // Философский журнал. 2009. № 2 (3). С. 5–11.

Васильев 2019 – *Васильев В.В.* Арабский силлогизм и единство разума: о статье А.В. Смирнова // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 22–26.

Власова 2018 – *Власова О.А.* Историко-философское творчество в культуре: проблематизация перспективы // Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность. Сборник статей / под редакцией Г.Е. Аляева, О.Д. Маслбоевой. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 6–15.

Деррида 2007 – *Деррида Ж.* Позиции. – М.: Академический проект, 2007.

Дьяков 2014 – *Дьяков А.В.* История философии и современность: о трансформации статуса философии // Философские науки. 2014. № 2. С. 122–131.

Коллингвуд 1980 – *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980.

Конт 2012 – *Конт О.* Общий обзор позитивизма. – М.: Либроком, 2012.

Кротов 2006 – *Кротов А.А.* Позитивизм и философская компаративистика // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2006. № 2. С. 38–46.

Львов 2018 – *Львов А.А.* Возможность межкультурного понимания в истории философии: современные позиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22. № 3. С. 365–376.

Риль 1904 – *Риль А.* Введение в современную философию. – СПб.: Общественная польза, 1904.

Шелер 1994 – *Шелер М.* Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994.

Gomperz 1905 – *Gomperz H.* Weltanschauungslehre (Methodologie und Noologie). Erster Band: Methodologie. – Jena; Leipzig: Eugen Diederichs, 1905.

Dilthey 1911 – *Dilthey W.* Die Typen der Weltanschauung und ihre Ausbildung in den metaphysischen Systemen // *Dilthey W.* Weltanschauung: Philosophie und Religion. – Berlin: Reichl & Co, 1911. S. 3–51.

Jaspers 1919 – *Jaspers K.* Psychologie der Weltanschauungen. – Berlin: Julius Springer, 1919.

Jensen 2017 – *Jensen C.B.* New Ontologies? Reflections on Some Recent “Turns” in STS, Anthropology and Philosophy // *Social Anthropology / Anthropologie sociale*. 2017. Vol. 4. No. 25. P. 525–544.

Masson-Oursel 1926 – *Masson-Oursel P.* Comparative Philosophy. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1926.

Michaud 1982 – *Michaud Y.* The End of the History of Philosophy // *Social Research*. 1982. Vol. 49. No. 2. P. 467–480.

Models of... 2011 – *Models of the History of Philosophy*. Volume 2: From the Cartesian Age to Brucker / ed. by G. Piaia and G. Santinello. – Dordrecht: Springer, 2011.

Yu 2008 – *Yu J.* Soul and Self: Comparing Chinese Philosophy and Greek Philosophy // *Philosophy Compass*. 2008. Vol. 4. No. 3. P. 604–618.

REFERENCES

Andreeva I.S. (2006) Philosophy as History of Philosophy (Round-Table Discussion of V.V. Sokolov’s book *The Historical Introduction into Philosophy*). *Voprosy Filosofii*. 2006. No. 3, pp. 3–35 (in Russian).

Collingwood R.G. (1946) *The Idea of History*. Oxford : Clarendon Press (Russian translation in: Collingwood R.G. *The Idea of History. An Autobiography*. Moscow: Nauka, 1980).

Gomperz H. (1905) *Weltanschauungslehre (Methodologie und Noologie)*. *Erster Band: Methodologie*. Jena: Eugen Diederichs (in German).

Comte A. (1844) *Discours sur l’esprit positif*. Paris: Carilian-Gœury et V. Dalmont (Russian translation: Moscow: Librokom, 2012).

Derrida J. (1972) *Positions*. Paris: Éditions de Minuit (Russian translation: Moscow: Akademicheskiiy proekt, 2007).

Dilthey W. (1911) Die Typen der Weltanschauung und ihre Ausbildung in den metaphysischen Systemen. In: *Dilthey W. Weltanschauung: Philosophie und Religion* (pp. 3–51). Berlin: Reichl & Co. (in German).

Dyakov A.V. (2014) History of Philosophy and Modernity: On the Transformation of the Historian of Philosophy’s Status. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2014. No. 2, pp. 122–131 (in Russian).

Jaspers K. (1919) *Psychologie der Weltanschauungen*. Berlin: Julius Springer (in German).

Jensen C.B. (2017) New Ontologies? Reflections on Some Recent “Turns” in STS, Anthropology and Philosophy. *Social Anthropology / Anthropologie sociale*. Vol. 4, no. 25, pp. 525–544.

Krotov A.A. Positivism and the Comparative Philosophy. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2006. No. 2, pp. 38–46. (in Russian).

Lvov A.A. (2018) The Possibility of Cross-Cultural Understanding in the History of Philosophy: The Topical Positions. *RUDN Journal of Philosophy*. 2018. No. 3, pp. 365–376 (in Russian).

Masson-Oursel P. (1926) *Comparative Philosophy*. London: Kegan Paul, Trench, Truebner & Co, 1926.

Michaud Y. (1982) The End of the History of Philosophy. *Social Research*. Vol. 49, no. 2, pp. 467–480.

Piaia G. & Santinello G. (2011) *Models of the History of Philosophy. Volume 2: From the Cartesian Age to Brucker*. Dordrecht: Springer, 2011.

Riehl A. (1903) *Zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart*. Leipzig: Teubner (Russian translation: Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1904).

Scheler M. (1994) *Selected Works*. Moscow: Gnozis (Russian translation).

Vasiliev V.V. (2009) Has the Systematic Philosophy Future? *The Philosophy Journal*. 2009. No. 2, pp. 5–11 (in Russian).

Vasiliev V.V. (2019) Arabic Syllogism and Unity of Reason: Remarks on Andrey V. Smirov's Paper. *Voprosy filosofii*. 2019. No. 2, pp. 22–26 (in Russian).

Vlasova O.A. (2018) Historical-Philosophical Work in Culture: Considering the Perspective. In: Alyaeva G.E. & Masloboyeva O.D. (Eds.) *Creative Work as National Element: Media and Social Activity* (pp. 6–15). Saint Petersburg: Saint Peersburg University Press (in Russian).

Yu J. (2008) Soul and Self: Comparing Chinese Philosophy and Greek Philosophy. *Philosophy Compass*. Vol. 4, no. 3, pp. 604–618.